

ГЛАВА 1

«Не забывай, откуда ты родом, Андре. Не забывай, что ты часть земли, где трава по осени усыпана каштанами, где камни укутаны самой зеленой зеленью, а их жажду утоляет кристально чистая вода, убаюкивая своим волшебным пением. Помни, эти горы последуют за тобой повсюду, куда бы ты ни отправился, они с тобой с самого твоего рождения, как и запах копченого сыра тетили, который лежит в твоей заплечной сумке». Так говорила ему Сельса, его няня, в тот день, когда он уезжал в Саламанку изучать право. Теперь, получив степень доктора наук после десяти лет обучения, он возвращался в родовое имение Ас-Айрас, одновременно и радуясь, и тоскуя: «Этот этап заканчивается, Андре, — говорил он себе. — И по возвращении начнется новый».

Он сидел в повозке старшего пастуха — человека с могучими, широкими, как бычьи голяшки, руками, который еще до рождения Андре работал на Доситеу, его деда, — и смотрел на гранитные столбы по краям дороги: подобно безымянным надгробиям, возвышались они вдоль пути к его родовому имению.

Повозка петляла по лесу и неохотно взбиралась по склону, похрустывая козлами и поскрипывая досками: хотя она была вполне надежной, казалось — развалится в любую минуту. Миновав заросшие щавелем каменные арки, служившие воротами в усадьбу, они направились к окруженному каштановой рощей зданию, горделиво встречавшему их гранитным фасадом. Андре нетерпеливо вздернул подбородок в ожидании встречи с домашними — особенно с *нею* — и принялся разглядывать скрывавший каменную кладку мох, что хранил память о былом. При виде трехэтажного дома с его открытыми террасами и застекленными галереями, с его залами и снующими туда-сюда слугами его охватили воспоминания: неожиданно он ощутил аромат летнего полдня, запах рагу из картошки, рапини, чорисо и сала, томившегося несколько часов на огне в глиняном горшочке с узким горлышком; услышал, как они с сестрами и Амилем, старшим братом, носятся по благородной древесине верхних этажей, как они с матушкой читают, наслаждаясь горьким горячим шоколадом и свежеиспеченными булочками зимой в охотничьем зале. Образы из той, прежней жизни в кругу семьи — и рядом с *нею* — среди коров и пастухов, в компании отца и деда вдруг стали смутно вырисовываться перед ним, как галисийский пейзаж в утренней дымке. «Как права была няня, — подумал он. — Мы стали частью этой земли и вдали от родных мест всегда будем тосковать по ее склонам, ручейкам, по ее людям. Мне не терпится, наконец, их всех увидеть».

Пастух остановил повозку у лестницы. Она вела на огромную террасу, растянувшуюся на весь фасад, подобно каменной улыбке.

— Что ж, приехали мы, дон Андре, — сказал он, улыбнувшись щербато и искренне.

— Спасибо, Фернан, — ответил тот и, едва повозка замерла, соскочил с козел со всей ловкостью, присущей его двадцати восьми годам.

Он летел вверх по лестнице, перескакивая через ступеньку, а пастух следовал за ним с баулом на спине и с чемоданом в руке, способной, казалось, поднять гору. На Андре пахло сыростью и домашним уютом, словно сам дом шепотом приветствовал его. Он поднялся до парадного входа, однако, к его удивлению, никто не вышел его встречать — ни дворецкий, дон Косме, ни кто-нибудь из слуг. От волнения у Андре подвело живот: сейчас он увидит всех... сейчас он увидит *ее*! Однако его ждала только тяжелая дубовая дверь с родовым гербом на замковом камне. Он на мгновение задержал взгляд и прочел: «Colere. Las. Saço» — надпись, которую Доситеу, его дед, велел выгравировать на гербе, разделенном крестом на четыре части. «Земледелие. Молоко. Мясо, — перевел он с латыни. — Девиз, призванный прививать любовь к труду». Андре принадлежал к одной из тех небольших дворянских семей, которые не только управляли церковными владениями или сдавали их в аренду другим земледельцам, получая за это определенную плату, но и трудились на своих угодьях, держали скот и имели собственные сбережения. Однако после Конфискации Годоя в конце прошлого века прапрадед Андре, Мартин, — а затем, при последующих конфискациях церковного имущества, и его дед Доситеу — решили увеличить семейные владения. Почувяв, что с новыми либерально-буржуазными веяниями дни традиционной церковной

аренды сочтены, они принялись закупать земли и скот. В итоге владения духовенства перешли к новоиспеченным буржуа, которые продолжили сдавать их в аренду, иногда даже дороже, чем церковь. Семья Андре, впрочем, не стала повышать ренту крестьянам, хотя его дед Доситеу и полагал, что «голодный крестьянин работает лучше». Теперь, пятьдесят лет спустя, в руках семейства Кастроавеа было одно из самых крупных хозяйств во всем Оренте.

И все же это далось им нелегко. Невзгоды и безжалостные удары судьбы, которые сыпались на Галисию, временами ставили благосостояние рода под угрозу. Несмотря на это, Доситеу выдержал все лишения, пережил карлистскую войну и не поддавался искушению продать семейные владения и уехать, подобно многим соотечественникам, в Новый Свет. Он решил, что кто-то должен остаться и сохранить то, что другие оставили позади. Благодаря этому решению, а также благодаря «рыжей корове» — породе, которую Амаро, отец Андре, почитал даром Божиим, поскольку она давала хорошее молоко, хорошее мясо и была подспорьем в работе, — дед преуспел. Теперь Кастроавеа славились тем, что снабжали говядиной и молочными продуктами Португалию, Англию и большую часть Испании, не говоря уже о том, что они выращивали злаки и кукурузу в промышленных объемах, получали хорошую выручку с кузнечных цехов и даже разбили маленький виноградник, где делали собственное вино. Так девиз деда — «Земледелие. Молоко. Мясо» — стал лозунгом их рода. «Во всей Галисии не найдется человека, который не слышал бы про донна Доситеу», — подумал Андре.

Он прошел в просторную парадную и пересек невидимую границу — поднимающуюся к высокому кессонному потолку арку. Широкая лестница из красного дерева так же приветливо, как прежде, приглашала его прогуляться до первой площадки, где потом раздваивалась. Оттуда украшенные статуями ответвления вели к двум подвесным деревянным галереям, выходящим на верхние этажи. «Всё как прежде, — подумал он, взволнованно вдыхая особенный аромат, в котором, казалось, нашли свое воплощение традиции дома. — Как колотится сердце!»

— Кажется, забыли про вас, дон Андре, — проворкотал пастух.

Андре взглянул на застекленные боковые двери парадной: они были закрыты. Он в очередной раз подивился царившей в доме тишине, подошел к одному из небольших зеркал, висевших над инкрустированными трехногими столиками, сбросил с себя пальто и вытянул за цепочку карманные часы. Ровно полдень.

— Похоже на то, — ответил он с ухмылкой. — Десять лет прошло: они меня, наверное, и не узнают.

«Надеюсь, что всё же узнают, — подумал он при этом, одернув бархатный сюртук. — Особенно надеюсь, что меня не забыла она».

Она. Ирия. Его тетя, которая была ему самым близким другом в семье. Всего на семь лет старше Андре, Ирия была сестрой его отца, дочерью деда Доситеу от второго брака после смерти бабушки Асунсьон. Ирия всегда казалась Андре безжалостной и головокружительно красивой. Он иногда обменивался письмами со своей матерью, с сестрами, реже — с отцом, но с Ирией они переписывались

постоянно. Она с самого детства была рядом и работилась о нем, как старшая сестра: в день его отъезда на учебу Ирия перед тем, как отпустить его и уйти, не сказав ни слова, даже прослезилась — а она никогда не плакала.

Сгорая от желания увидеть родных, увидеть ее, Андре направился в зал. Было слышно, как натертый дочиста паркет скрипит у него под ногами. Он распахнул двери, и тут его оглушил хор голосов:

— Сюрприз!

Андре просиял и обвел всех присутствующих взглядом, но светло-зеленых глаз Ирии не увидел. В центре зала, обставленного старинной деревянной мебелью и отделанного мрамором, на расшитом золотыми нитями ковре стоял, даже не опираясь на трость, кряжистый, как старый можжевельник, семидесятитрехлетний дед Доситеу с испещренным морщинами лицом. Немного поодаль, прислонившись к высокой яшмовой каминной полке, приветливо улыбался Амаро, отец Андре. Он был похож на персонажа какой-нибудь буколической картины, исполненной гармонии и безмятежности. Рядом, сжимая ладони и покачиваясь на краю бархатного кресла, украшенного изящной инкрустацией, светила от счастья мать Андре, Кристина. На ней было бирюзовое платье с гораздо менее пышной, чем в былые времена, юбкой. Наконец, Баси и Матильда, младшие сестры Андре, с радостным визгом, как в детстве, когда они играли вместе, бросились ему на шею через всю комнату.

— Тише, тише, — сказал он. — Как же вы повзрослели...

Басилиса, которую все звали Баси, обладала своеобразной красотой: все черты ее лица, как у ведьмы, по отдельности были прекрасны, но будто не до конца сочетались друг с другом. Она наклонила голову в знак согласия и кокетливо завернулась в шелковую гипюровую накидку. Андре хорошо знал сестру и понимал, что Баси чувствует себя взрослой в свои двадцать пять лет, ведь она наконец достигла долгожданного совершеннолетия. «Она всегда старалась казаться идеальной, — припомнил он. — Должно быть, ей не терпится найти себе хорошую партию».

— Ты уже слышал, что в Монфорте, на званом обеде дона Херардо, я произвела фурор? — поинтересовалась Баси со свойственным ей самолюбованием.

Более сдержанная по характеру двадцатитрехлетняя Матильда поморщилась за стеклами очков, словно то была сущая ерунда, и с присущими ей аккуратностью и обстоятельностью огладила юбку своего клетчатого платья и поцеловала брата в щеку. В ответ Андре поцеловал у нее на лбу маленький шрамик, который когда-то оставил ей осел, задев копытом. Она взяла Андре за руку и одарила улыбкой — не столь завораживающей, как у Басилисы, но гораздо более сердечной.

— Как же мы рады, что ты вернулся, — произнесла она, а затем шепнула ему на ухо: — Матушка весь день так волновалась!

Андре снова взглянул в сторону матери: та поднялась с кресла, ее глаза блестели от сдерживаемых чувств. Он хотел было справиться о тете Ирии, но в этот момент медленно подошел дед и торжественно положил руку ему на плечо. Андре знал, что означает этот жест: десять лет назад Доситеу провожал из дому мальчика, а теперь приветствовал

мужчину. Дед пригладил свои густые усы и посмотрел на внука необыкновенно голубыми, как летнее небо, глазами.

— Я горжусь тобой, внук.

Его неожиданная искренность застала Андре врасплох. Дед был немногословен и никогда не говорил не по делу, предпочитая многозначительное, гнетущее молчание, оглушающее любого собеседника.

— Спасибо, сеньор, — ответил Андре, и мать тут же запечатлела поцелуй на его щеке, а отец подошел пожать ему руку. — Спасибо вам всем.

— Сегодня мы празднуем твое возвращение: нас ждет томленая галисийская телятина, — сказал Амаро, одернув расшитый золотой нитью жилет и поправив очки, чтобы лучше видеть сына. — А на вечер я пригласил дону Венансио, алькальда¹ муниципалитета Пуэбла-де-Тривес, и дону Луиса Фейхо, судью из Монфорте, чтобы представить тебя им.

Кристина поморщилась и покачала головой, поймав на себе его взгляд. Ей совершенно не нравилось, что еще не успел Андре толком поздороваться с семьей, а уже зашла речь о делах и салонах. Кристина не хотела омрачать встречу с младшим сыном повседневными заботами; она не видела — и не желала видеть — нужды в подобных беседах. Такие разговоры принадлежали миру мужчин с их бокалами и дымящимися сигарами. Хозяйку дома же волновало только благополучие ее детей: для нее и так было пыткой десять лет не видеть Андре, а они уже принялись обсуждать работу и знакомства.

— Андре только приехал, а вы уже опять за свое. На дворе тысяча восемьсот сорок пятый год: хватит

---

¹ Глава испанского города или деревни. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

загадывать на двадцать лет вперед. Вернись в настоящее, Амаро, а то жизнь так и пройдет за построением планов.

В ответ Амаро только плечами пожал: все знали, что планы строит не он, а дед Доситеу. Амаро был человеком простым, ни к чему не стремился и своих идей не имел; он любил тишину и книги, а споров избегал, как заяц — хищников. Всей его жизнью управлял Доситеу, и лишь благодаря этому ему удалось занять должность алькальда Монфорте-де-Лемоса. Амаро никогда не тяготился исполнением отцовских желаний; напротив, он был только рад следовать им. Иначе он бы превратился в существо несчастное и никчемное и в конце концов все равно начал бы повторять то, что слышал от Доситеу, пытаясь сохранить видимость независимости.

— Что может быть важнее планов на будущее, душа моя? — «Душа моя». Так Амаро смягчал свои слова, чтобы избежать споров — не забывая при этом заговорщицки поглядывать на деда. — Наш мальчик уже настоящий адвокат, и чем раньше он обзаведется важными знакомствами, тем лучше. Не думай, жена, что я стал алькальдом Монфорте исключительно благодаря своим способностям.

Андре улыбнулся, поправляя кружевные манжеты рубашки, выглядывавшие из-под сюртука, и подумал, что он по своей натуре сильно отличается от отца. Да, он изучал право, чтобы угодить деду, а также потому, что не нашел иного призвания, к которому бы лежала душа. Возможно, единственным мотивом, которым он руководствовался, были восхищение и глубокая любовь к деду. Однако, в отличие от отца, если бы ему было что-то по-настоящему интересно, он бы пошел наперекор желаниям патриарха.

— Да, да... я много раз слышала эту историю, — пожурила супруга Кристина и снова расцеловала Андре в обе щеки. — А теперь поднимайся к себе и обустройся.

Андре повернул резную ручку и открыл дверь в спальню: со дня его отъезда ничего не изменилось. Вот он и дома. Но Андре продолжал нервничать: в зале не было Ирии. Неожиданно в коридоре возник дворецкий, дон Косме, и тепло протянул руки ему навстречу. Андре сердечно похлопал его по плечу.

— Поверьте, слуги сами извелись от того, что вам нельзя было помочь по приезде: но так велел ваш дед. Мы все хотели устроить вам сюрприз.

Андре с удивлением отметил, как сильно ссутулился широкоплечий дон Косме: за эти десять лет он заметно сдал и выглядел гораздо старше.

— Не переживайте, дон Косме, я все прекрасно понимаю, и сюрприз того стоил, — ответил Андре, стоя в дверях спальни.

— Все в точности так, как вы оставили, — заверил его старый дворецкий. — Сеньора Нэвес очень старалась, чтобы все было как раньше.

— Передайте экономке, что я очень благодарен за ее труды, все в полном порядке. Кстати, вы не знаете, где тетя Ирия?..

— В горах: сегодня должна отелиться парочка коров, и она следит, чтобы все прошло хорошо. Но она просила, чтобы ей сообщили, когда вы приедете, и я так и сделал.

Андре ничуть не удивился. Он понимал, что Ирия впитала в себя дух Галисии с ее дикими горами, беспощадными ветрами, петляющими сквозь

колючую зелень реками Силь и Навеа, дух земель рода Кастронавеа, разбросанных от границы с Леоном до Монфорте-де-Лемоса. Умение управлять семейными владениями словно было у нее в крови, к тому же она унаследовала неукротимый дух деда Доситеу. Без сомнения, только ей и передалась сила его характера: она с удовольствием объезжала пастбища, кузни, посадки, виноградники и коровники верхом на кобыле — в гористой Галисии они были полезнее жеребцов.

— Спасибо, — поблагодарил дворецкого Андре.

Дон Косме развернулся и захромал прочь по коридору, покачиваясь, будто уставший маятник в часах с кукушкой. Андре вошел в комнату: паркет поприветствовал его жалобным старческим скрипом. Он провел рукой по бюро из темного дерева; шторка была опущена, храня его тайны. Повернув латунный ключ, Андре открыл шторку. Перед ним предстал ряд ящиков с медными ручками, напоминавших пчелиные соты. Едва он коснулся дерева кончиками пальцев, как в комнату вбежал коричневый кан де паллейро¹. Возбужденно виляя хвостом, он подскочил к Андре и тут же встал на задние лапы, чтобы поздороваться с ним.

— Капитан! — поприветствовал пса Андре, а тот прочувствованно залаял в ответ. — Где твоя грозная хозяйка?

В эту секунду из коридора донеслись быстрые шаги; Андре поднял голову и увидел Ирию. Разгоряченная, в высоких брюках для верховой езды, она замерла на миг в дверях. Они безмолвно смотрели друг на друга, как вдруг она налетела на него

---

¹ Галисийская порода пастушьих собак.

безудержной морской волной и поцеловала в губы — как любовника. У растерявшегося Андре сердце забилось так сильно, что чуть не выскочило из груди. На мгновение он ответил ей, но тетя тут же отстранилась и пригвоздила его к месту взглядом, пылающим зеленым пламенем. Словно не придав поцелую никакого значения, она одарила его мимолетной улыбкой, длившейся вечность. Андре справился с дыханием и со своим порывом поцеловать ее еще раз — этот поцелуй был бы неуместен между тетей и племянником.

— Ты вернулся, мой король, — сказала она, взъерошив ему волосы, совсем как в детстве. — Раз ты теперь настоящий адвокат, тебя, наверное, надо звать доном Андре.

Андре хотел было заверить Ирию, что ей никогда не придется так к нему обращаться, но оба они молчали, глядя друг на друга, будто безмолвно переговариваясь на тайном беззвучном наречии: он утонул в ее зеленых глазах, она потерялась среди морщинок на его лице. Андре знал, что не нужно ничего говорить: голос казался чужим, слова — неуместными. Очарованный ее необузданной силой, плененный этим губительным ураганом, ослепленный беспощадным блеском ее глаз, он почувствовал, что все одинокие университетские ночи, все мимолетные любовницы, все воспоминания о болезненном расставании меркнут и исчезают перед бурей, обещавшей, что больше их ничто не разлучит. «Нет в мире ничего, что ты любил бы сильнее нее», — сказал он себе, охваченный мыслью, что если потеряет ее, то обратится в пустой сосуд, в ходячего мертвеца, обреченного на жизнь.

Он сглотнул и в непроизвольном приливе нежности, которому не пожелал — да и не мог — воспротивиться, порывисто обнял ее за талию и, задержав взгляд на ее губах, поцеловал в щеку, прижав ее к себе и мечтая никогда с нею не расставаться.

— Будет тебе, мой король, я тоже по тебе скучала, — сказала она, глядя его по голове.

Вдруг Капитан, наблюдавший за этой сценой сидя на задних лапах, гавкнул: из коридора доносились приближающиеся шаги. Андре и Ирия машинально отскочили друг от друга, словно боясь, что их застанут за чрезмерным проявлением любви. Андре отвернулся и подошел к бюро, не представляя, чем себя занять, и тут двери заслонила массивная фигура его брата Амиля. Он был старше Андре на три года. Андре поприветствовал брата кивком, тот наклонил голову в ответ, хотя и более холодно. Ирия шагнула к Амилю, угрожающе наставив на него палец.

— Я не видела тебя сегодня на угодьях.

— Туман стоял слишком густой, — ответил Амиль. — Я решил, что со всем сладят управляющие.

— Это не повод отлынивать от работы. — Ирия отодвинула его с дороги. Капитан, как хорошая пастушья собака, последовал за ней. — Надеюсь тебя увидеть завтра с первым лучом солнца. Я буду ждать вас внизу.

Это было предупреждение. Амиль молча сжал зубы. Они никогда не ладили, и, судя по тому, что увидел Андре, их отношения испортились еще сильнее. Ирия была железной рукой деда, Амиль же вечно оставался на вторых ролях, и было понятно, что он никогда ничего не унаследует. Дед полагал, что из старшего внука вышел более-менее способный

управляющий, но ни доблести, ни силы воли настоящего дворянина в нем нет. И дело не просто в предрасположении Доситеу: ни отцу Андре Амаро, ни брату Амилю действительно не передался неукротимый дух Кастронавеа. Первый был слишком бесхарактерен, а второй, хоть его чрезмерные амбиции, как назойливые мухи, и не давали ему покоя, в глубине души был не уверен в себе, но прятал эту черту своего характера за внушительными размерами и физической силой. В конце концов дед Доситеу понял, что только Ирия, хоть она и женщина, способна сохранить его наследие.

— Ты не пришел меня встречать, — заметил Андре.

Амиль кивнул и пожал плечами. Повисла привычная уютная тишина. Андре не думал, что она так быстро вновь встанет стеной между ним и братом.

— Работы много, — ответил тот наконец.

Андре слегка кивнул, и тишина вернулась.

— Что ж, — Андре кивнул еще раз, — понимаю.

Амиль мельком взглянул на него и вышел, не сказав ни слова. Андре тихонько вздохнул и шагнул к окну, устремив взгляд на буйную зелень. Много дождей пролилось на Галисию с тех пор, как он покинул семейный дом, но отношения между родными за эти годы ничуть не изменились — как и дуб за окном, чьи ветви, как и прежде, пытались дотянуться до его окна. «Он словно тоскует по дому так же, как скучал по нему я». Андре залюбовался сочными изумрудными листьями дуба, прожилками на их обратной стороне, их гладкой влажной поверхностью. Как часто рассматривал он их мальчишкой! И ему подумалось, что если ему что-то и интересно по-настоящему, то это наблюдать за тем, что его окружает.